Иннокентий Фёдорович АННЕНСКИЙ

И. Ф. Анненский, по словам Мандельштама, принёс в русскую поэзию психологический конструктивизм, то есть психологическое построение стиха.

Говоря словами самого Иннокентия Фёдоровича: «Поэзия не изображает, она намекает на то, что остаётся недоступным выражению». Отсюда позже Ахматова вывела свою замечательную «теорию», что стихи должны содержать тайну.

После многолетия поэзии «без тайн», включающей Фета, Полонского, Майкова, появился Анненский, воспитанный в тех же условиях, по тем же канонам, но удивительно не понимавший своих современников и не нашедший с ними общего языка.

Поэзия конца прошлого века не была плохой, но пришло новое понимание поэтических задач и началом этого движения был поэт Анненский.

И. Ф. Анненский родился 20 августа 1855 года в Омске. Здесь жила семья петербуржца Фёдора Николаевича Анненского назначенного начальником Главного управления Западной Сибирью. Семья в 1860 году вернулась в родной город. Болезненный Иннокентий с большими перерывами успешно окончил курс гимназии и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Стихи он начал писать ещё до университета, но попытки были неудачны и сам автор это прекрасно понимал. Учился Анненский превосходно и по окончании университета по специальности филолога кандидатом историко-филологического факультета владел 14 языками и интересовался различными областями литературы. «Я влюбился в филологию и ничего не писал кроме диссертаций...» Занятия филологией не помешали ему связать свою жизнь с преподаванием в различных учебных заведениях, и в 1896 году его назначили директором Николаевской мужской гимназии в Царском Селе. В последние годы уходящего века Анненский работал над переводами трагедий Еврипида и современных лириков. Он считал, что оставит память о себе в литературе переводами, но в эти же годы пишет стихотворения и статьи.

В 1904 году вышла единственная прижизненная стихотворная книга Анненского «Тихие песни» под псевдонимом «Ник. Т-о». Александр Блок в рецензии на книгу незнакомого поэта написал: «Чувствуется человеческая душа, убитая непосильной тоской, дикая, одинокая и скрытная».

Анненский верил в своё призвание поэта, а коллеги ценили его больше как педагога и библиофила.

В 1905-06 годах в разразившуюся стихию попали прежде всего увлекающиеся гимназисты. Анненский занимался защитой своих подопечных и многих спас от отчисления. Но в начале 1906 года его отстранили от директорства и перевели на должность инспектора Петербургского учебного округа. Последние годы жизни Анненский отдал творчеству. Его статьи вышли в двух «Книгах отражений», а стихотворения Анненский собирался издать за свой счёт в книге

© „Im-Werden-Verlag“, 2000
http://www.imwerden.de
info@imwerden.de

«Кипарисовый ларец».

Он находился на творческом подъёме. Но больное сердце не выдержало постоянных поездок, связанных с инспекторской работой. Тридцатого ноября 1909 года по дороге из Петербурга домой, в Царское Село, он скоропостижно скончался на ступеньках Царско-Сельского вокзала в Петербурге.

Анненский запомнился современникам директором Царско-Сельской гимназии. «Молодые глаза, висячие усы над пухлыми, слегка выдвинутыми губами, прямые по-английски волосы надо лбом и ... барственный тон речи, под шутливостью и парадоксальностью которой чувствовалась авторитетность...» Такой портрет Анненского оставил нам Максимилиан Волошин, удивляясь старомодности, обходительности и барству Анненского. При этом Волошина поразило несоответствие внешности поэта и его стихов, ведь за этой внешностью скрывалась молодая и всегда одинокая душа.

Андрей Никитин-Перенский, 1992

Стихотворения Иннокентия Анненского

Ты опять со мной

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод,
На твоём линяло-ветхом небе
Жёлтых туч томит меня развод.

До конца всё видеть, цепенея...
О, как этот воздух странно нов...
Знаешь что... Я думал, что больнее
Увидать пустыми тайны слов...

Я люблю

Я люблю замирание эхо
После бешенной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,

И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю всё, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ищу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.